

А.А. Романовская

Константа как выражение генотипического смысла

Суть идеи антропоцентричности языка заключается в том, что язык является основным средством человеческого общения, инструментом передачи информации, обеспечивающим социальную деятельность человека. В языке хранятся знания о действительности, обработанные человеческим сознанием. В определении языка Э. Сепир отмечает, что язык есть чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций, желаний посредством системы специальных средств [1].

Рассуждения Святого Августина о том, как он выучился говорить, согласуются с определением языка – схватывать памятью название вещи, понимать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и часто слышимые, принуждать уста справляться с этими знаками и ими выражать свои желания, общаясь этими знаками с теми, среди кого живешь, тем самым глубже вступая в бурную жизнь человеческого общества.

Л. Теньер высказал суждение, что язык служит не только для передачи мыслей, не только отражает наше представление о мире и служит для называния, но благодаря языку мы еще что-то делаем. Предложение как синтаксическая категория имеет свои формальные и смысловые (семантические) характеристики. Каждое предложение – это «маленькая драма» [2]. Можно добавить, что даже слово является маленькой драмой. С позиций Л. Теньера, в семантике имплицитруется идея субъекта (тогда есть объект). Действие разворачивается в определенной системе. Сопутствующие идеи возникают на базе основных. Таким образом, язык не только называет вещи, явления действительности, но и выражает отношение человека к этим вещам и явлениям. Человек преобразует смысл любого предмета восприятия и памяти и порождает новые значения и смыслы. Все в окружающем нас мире и сам мир как целое воспринят и всегда воспринимается заново как внутренне нам присутствующее, как исходно человеческое, как голос собственной чувственности. Смыслы (идеи) всего того, что, казалось бы, навеки застыло в своем материале, обращены ко всем людям так же целенаправленно и произвольно, как и голос собеседника. Отсюда следует, что мышление есть смыслообразование [3]. «С точки зрения языка, мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью» [1, с. 36].

Проблема соотношения языка и мышления, равно как и языка и культуры, сформулирована в гипотезе Сепира-Уорфа, которая сочетает в себе лингвистический детерминизм («Язык определяет мышление») и теорию лингвистической относительности («Нет предела структурному разнообразию языков»). Мы живем не только в материальном и социальном мире, но и находимся во власти конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. «Два языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было

считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут разные общества, – это разные миры» [1, с. 261]. Понимание окружающего нас мира зависит не только от понимания слов, но и от понимания нашего образа мира, отражающегося в словах и раскрывающегося в оттенках их значения. «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий нас мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [1, с. 261]. Познание мира зависит от того языка, на котором говорит человек. Мир – это «калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [4]. По мнению Дж. Лайонза, жесткий вариант лингвистического детерминизма и теории лингвистической относительности имеет смягчающие аргументы, имея в виду разную степень кодированности в языке слов и выражений, связанных с памятью и восприятием. (Объект, обозначенный одним словом, обладает большей степенью кодированности, чем объект, обозначенный словосочетанием). Внутри одного языкового сообщества степень кодированности не всегда постоянна и одинакова. Она зависит от того, какой культуре принадлежат носители одного языка [5]. Как отмечает Дж. Лайонз, нет причин не соглашаться с традиционным мнением о том, что носители разных языков обладают одинаковой картиной мира, или концептуальной системой, по крайней мере, в том, что касается глубинных понятий. Но отсюда не следует, что говорящие на разных языках имеют одну и ту же картину мира в отношении небазовых понятий. Именно эти понятия обусловлены культурой, в том смысле, что понимание некоторых вещей зависит от знаний, передаваемых через мифы и традиции, которые значительно разнятся от одной культуры к другой [5, с. 275]. А. Вежбицкая признает существование концептуальных и языковых универсалий: только надежно установленные языковые универсалии могут дать основу для сопоставления концептуальных систем, закрепленных в различных языках, и для объяснения значений, закодированных в одних языках и не закодированных в других. Только в сочетании с гипотезой лингвистической универсальности имеет смысл гипотеза лингвистической относительности [6]. Языковая картина мира предшествует концептуальной и формирует ее, пишет В.А. Маслова. Специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры [7].

По мнению С.К. Шаумяна, по-новому рассматривать концепцию лингвистической относительности (языковое расчленение и представление мира относительно) позволяет понятие генотипического языка: «всякая относительная картина мира, заключенная в лингвистической оболочке конкретного языка, должна рассматриваться как проекция некоторого инварианта картины мира, которым и служит генотипический язык. Фенотипические языки – это разные проекции генотипического языка. Таким образом, в относительных картинах мира, представленных фенотипическими (конкретными естественными языками), содержится также и нечто безотносительное, некий инвариант, пред-

ставленный генотипическим языком» [8]. С.К. Шаумян выдвигает гипотезу о расслоении каждого естественного языка на примитивный язык и экспрессивный язык. Примитивный язык, или эталонный подъязык, служащий для однозначной записи сообщений, состоящий из грамматики и наиболее простых предложений, рассматривается в качестве непосредственного представления мышления. Экспрессивный язык, или производный подъязык, на который переводятся выражения примитивного языка, обладает разнообразными средствами для выражения одного и того же значения. Производный подъязык рассматривается в качестве формы мышления, в качестве воплощения мышления в лингвистическую оболочку [8, с. 7–8]. И если под эталонным подъязыком понимается непосредственное представление мышления, то необходимо найти всеобщую меру смысла не внутри отдельного языка, а на уровне сопоставления языков мира. В связи с этим С.К. Шаумян предполагает наряду с фенотипическим, то есть конкретным естественным языком, существование генотипического языка, не данного в прямом наблюдении. Генотипический язык является абстрактной моделью естественных языков, то есть моделирует в них семантические процессы. Семантические процессы в естественных языках моделируются правилами преобразования примитивного подъязыка в экспрессивный подъязык генотипического языка [8, с. 9]. Генотипический язык имеет глубинную и поверхностную структуры, но как универсальная семиотическая система представляет понятие, которому нет аналога в трансформационной грамматике. Н. Хомский и его последователи имеют в виду синтаксические понятия, которые, как отмечает С.К. Шаумян, в таком виде вообще не сопоставимы с генотипическим языком. Понятию глубинной семантической структуры соответствует понятие примитивного генотипического языка, а понятию поверхностной семантической структуры – экспрессивный генотипический язык. Из этого следует, что генотипический язык моделирует одновременно глубинную семантическую структуру и поверхностную семантическую структуру естественных языков, процессы перевода глубинной структуры в поверхностную [8, с. 4]. «Генотипический язык представляет собой гипотезу об общей семиотической картине языков мира. В качестве этой гипотезы генотипический язык служит системой универсальных категорий» [8, с. 11]. В семантической теории естественных языков С.К. Шаумяна используются формальный аппарат аппликативной грамматики: на первом этапе должны порождаться идеальные лингвистические объекты – слова-генотипы и предложения-генотипы, которые в совокупности образуют идеальный язык. На втором этапе порождения идеальные объекты генотипического языка должны путем правил корреспонденции преобразовываться в слова-фенотипы и предложения-фенотипы реальных языков. Генотипический язык может служить языком-эталонном для структурно-типологического сопоставления реальных языков. Идеальный, то есть генотипический язык, представленный словами-генотипами и предложениями-генотипами, обозначает идеальные объекты, которые на втором этапе порождения преобразуются в слова-фенотипы и предложения-фенотипы – в этом суть структурной двухступенчатой теории С.К. Шаумяна.

Генотипы как идеальные лингвистические категории соотносятся с понятием архетипа, обозначающего, по определению К.Г. Юнга, только ту часть психологического содержания, которая еще не прошла какой-либо сознательной обработки и представляет собой еще только непосредственную психологиче-

скую значимость. Это древнейшие, изначальные типы, то есть испокон веку наличные образцы [9].

Свое воплощение генотипы находят в конкретных номинативных и коммуникативных проявлениях – константах. Константа – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время [10]. Утверждая понятие «константа» («постоянно присутствующий концепт») в гуманитарной сфере, Ю.С. Степанов считает, что концепт и понятие – это термины разных наук. Если понятие относится к логике и философии, то концепт – к математической логике и науке о культуре. Это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. Отсюда следует, что концепты не только мыслятся, но и переживаются, будучи «основой ячейкой культуры в ментальном мире человека». Понимание концепта как ментального образования позволяет представить концепт, с одной стороны, как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и. влияет на нее» [10, с. 40–42].

В определении понятия «концепт» Д.С. Лихачев исходит из трактовки С.А. Аскольдова: концепт – это мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов. Он может быть заместителем сторон предмета, реальных действий, разного рода чисто мыслительных действий. Д.С. Лихачев предлагает считать концепт алгебраическим выражением значения, которым мы оперируем в своей речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек не может, а иногда по-своему интерпретирует его.

Концепт – это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [11], то есть это единица, структурирующая смысл. Н.Д. Арутюнова называет концепты «понятиями жизненной философии», «обыденными аналогами мировоззренческих терминов» [12–13]. С.Г. Воркачев, вслед за В.В. Колесовым [14], называет концепт «законным наследником» таких семиотических категорий, как представление (образ), понятие, значение. В этом качестве «лингвоконцепт характеризуется многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [15]. Согласимся, что именно образная составляющая делает концепт «наглядным», «выгодно отличает его от понятия, лишённого наглядности» [19, с. 18]. Признавая концепт ментальной единицей, «стабильным и устойчивым когнитивным слепком с объекта действительности», В.А. Маслова отмечает, что концепт – это «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой», с одной стороны, и, с другой – «некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности» [7, с. 36].

Концепт представляет собой вербально явленный смысл, то есть он связан со словом. Языковедческая проблематика в его изучении оказывается связанной с тем, как этот смысл порождается, из чего конструируется, как реализуется в коммуникативном процессе. Формой языкового представления

концепта является генотипическая модель. В определении С.Г. Воркачева данная модель называется архетипической. В архетипической модели концепт рассматривается как нечто предельно обобщенное, но чувственно-образное, скрытое в глубинах сознания, воплощающееся в редуцированной форме в понятии, в представлении, в значении слова. По мнению А. Вежбицкой, у всех языков есть общее ядро, которое является врожденным, сформированным доязыковой готовностью к семантизации, которое можно использовать как своего рода мини-язык, дающий возможность понять, что «дверь, ведущая за пределы языка» в глубины сознания «уже открыта» [6, с. 294].

Генотипическая модель константы представлена имплицитными смыслами, которые относятся к области социо-культурно-исторического наследия разных временных периодов, включая современность. Имплицитные смыслы стоят за языковыми выражениями, названиями и обозначениями всего того, что оставило какой-то след в жизни общества и хранится именно благодаря языковой закреплённости в социальной памяти поколений. Такие имплицитные смыслы могут иметь как общечеловеческую, так и идиоэтническую значимость. Имплицитные смыслы, о которых в данном случае идет речь, более всего соответствуют понятию «концептуальные универсалии». Такого рода имплицитные смыслы отличаются своей большой самостоятельностью и своим удельным весом в коммуникативных процессах. Данные имплицитные смыслы часто порождают выводные имплицитные смыслы, вытекающие из всего содержания высказывания в качестве следствий, например: пятка Ахилла, комплекс Гестии, яблоко раздора. Всякого рода подразумеваемое содержание, все виды имплицитных смыслов, все явно не выраженное, стоящее за эксплицитным текстом, может быть определено понятием «подтекст». В соответствии с этим данное понятие выступает в качестве родового по отношению к различным видам имплицитных смыслов, что особенно информативно при раскрытии смысла любого высказывания (текста). Концептуальные универсалии рассматриваются как смысловая категория. Относительно содержательной стороны языковых выражений, их значений статус их решается таким образом, что имплицитные смыслы получают статус имплицитной семантики языковых выражений. Речь идет о константах, то есть закреплённых за языковыми единицами в системе языка смыслах, сопровождающих эксплицитные значения. Этой константной закреплённостью подразумеваемых смыслов обусловлен их специфический языковой статус. Семантика языковых выражений, имеющих смысловые категории, таким образом, предстает как единство эксплицитного (значение) и имплицитного (смысл).

Показателен пример А. Мейе из «Истории греческого языка». Основываясь на данных языка Гомера, французский ученый предложил различать «слова-знаки» (*les mots-signes*) и «слова-понятия» (*les mots-forces*), буквально «сильные слова». Первые употреблялись у Гомера как слова, отношение к которым со стороны говорящих и слушающих обычно было нейтральным. Вторая же группа слов обнаруживала заинтересованность говорящих в сообщаемой информации, их желание оказать с помощью слов воздействие на слушающих. Иллюстрацией к сказанному является то, что Гомера слова типа *ὑπνος* (сон) выполняли не только номинативную функцию, но и передавали убеждение говорящих в том, что будто бы существует особая сила, вызывающая сон. Само слово *ὑπνος* получило не словообразовательную (грамматическую) мотивировку, а своеобразную идеологическую, обусловленную уровнем научных знаний эпохи Гомера.

Таким образом, в языковой картине мира содержится нечто безотносительное, некий инвариант, выраженный генотипическим языком. Генотипический язык (слова-генотипы и предложения-генотипы) обозначает имплицитные смыслы. Свое воплощение генотипы находят в конкретных номинативных и коммуникативных проявлениях – константах. Константа представляет собой вербально явленный смысл, то есть она связана со словом. Формой языкового представления константы является генотипическая модель, предполагающая врожденность и доязыковую готовность к употреблению константы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сепир, Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – С. 31.
2. **Теньер, Л.** Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер; пер. с фр. И.М. Богуславского и др. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
3. **Михайлов, Ф.Т.** Неклассические модели культуры / Ф.Т. Михайлов // Теоретическая культурология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, РИК, 2005. – С. 389.
4. **Уорф, Б.Л.** Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 174.
5. **Лайонз, Дж.** Язык и лингвистика / Дж. Лайонз; пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 273.
6. **Вежбицкая, А.** Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 291.
7. **Маслова, В.А.** Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – С. 52.
8. **Шаумян, С.К.** Аппликативная грамматика как семантическая теория естественных языков / С.К. Шаумян. – М.: Наука, 1974. – С. 10.
9. **Юнг, К.Г.** Архетип и символ / К.Г. Юнг; пер., предисл. А.М. Руткевич. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 10.
10. **Степанов, Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 76.
11. **Кубрякова, Е.С.** Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996. – С. 90.
12. **Арутюнова, Н.Д.** Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 3–6.
13. **Арутюнова, Н.Д.** Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 617–631.
14. **Колесов, В.В.** Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб., 2002.
15. **Воркачев, С.Г.** Любовь как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2007. – С. 14.

S U M M A R Y

It is stated in the paper that relative pictures of the world represented by natural languages contain something irrelative, a kind of invariant that is expressed by a genotypic language. The ideal, i.e. genotypic language (words – genotypes and sentences – genotypes), signifies ideal objects Expressing implicit meanings, genotypes find their realization in concrete nominative and communicative reflections – constants. Constants are concepts that exist constantly or, at least, for a very long time.

Поступила в редакцию 14.12.2007